

— Совсем недавно я видела вас в балете «Ромео и Джульетта»...

— Да? Расскажите!

— ...По-моему, спрашивающий и отвечающий поменялись местами. Мне показалась необычной ваша Джульетта. Она очень сдержанная, даже аскетичная в своих чувствах. И этим современная...

— Интересно. Это про мою Джульетту. А почему она не может быть такой? В нашем театре три балерины танцуют Джульетту. И все по-своему, очень по-разному. Как же иначе? Посмотрите вокруг. Все люди на удивление разные! Говорят, ходят, улыбаются каждый уникально. Это только беглые внешние черты. А если суметь заглянуть в душу? Тоже каждый из нас — единственный. Другого такого нет и быть не может. Да и по сравнению с самим собой человек постоянно меняется. Вот и моя Джульетта. Вчера она была одной. А сегодня чуть-чуть изменилась. Так чувствую. Трудно объяснить, что происходит, когда изнутри идет изменчивое ощущение образа.

— И постоянного представления об образе нет? Хотя бы очень общего?

— Очень общее возможно на уровне, например, такого разграничения — лирический, драматический, трагический образ. Но это очень условно, потому что к каждой из названных граней можно отнести один и тот же спектакль. Например, «Жизель». Или «Шопениана». Что-то одно выделить в героине и трудно, и неинтересно. Это обедняет исполнителя и разочаровывает зрителя. Поэтому в той же Джульетте хочется показать и лиризм, и драму, и жесткость.

Надежда
ПАВЛОВА:

БАЛЕТ-РОМАНТИКА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

— Но все же среди этого «непостоянства» есть более близкие вам балеты?

— Есть. Сейчас на сцене Большого театра возобновляется спектакль «Легенда о любви». Он мне ближе, чем многие другие. В нем все содержание, каждый нюанс идет только через пластику. А она, в свою очередь, одновременно и очень насыщенная, и сдержанная. Такой танец увлекает необыкновенно.

Другой балет — «Лебединое озеро». Кончились четыре года нетерпеливого ожидания. Со стороны может показаться, что это не слишком большой срок. А для меня почти вечность прошла, пока я мечтала об участии в этом спектакле. Премьера состоялась в Румынии, с бухарестской труппой. Это было иск-

реннее, заинтересованное сотворчество, несмотря на трудности, связанные с отличиями румынской редакции балета, с новыми для меня исполнителями. А потом я танцевала «Лебединое озеро» в Москве, в нашем театре. Прошло уже несколько спектаклей. У зрителей особое отношение к этому балету.

— И вообще к балету...

— Балет — это романтика современного человека. Се-

годня мы часто говорим о сверхрационализме, дефиците эмоций. А балет несет в себе неисчислимое богатство чувств. Среди бурных скоростей двадцатого века он, по-моему, дает возможность пусть не остановить, но хотя бы заметить сегодняшнее «чуждое мгновение».

— А как оно находит свое отражение в искусстве танца?

— Внимание к современной теме у балета в настоящее время обостренное. Но воплотить ее средствами нашего искусства непросто. Буквальные, иллюстративные находки в танце невозможны. В драме есть мощное оружие — слово. Мне интересны, например, «Сталеваары» или «Так победим!» в МХАТе. А в балете совершенно иная на-

глядность и условность. Пластика требует свое. И каждый балетмейстер сегодня распыляет сложные взаимоотношения современной проблематики и балетного языка. В Большом театре идут, по-моему, удачные спектакли «Ангара», «Золотой век». Это очень разные постановки, но они говорят о нашем времени.

— В своих поисках современный балет подчас увлекается техническими возможностями танца, своеобразной акробатикой...

— Я очень люблю художественную гимнастику, акробатику... Это не только спорт, а уже и искусство. Не только трюки, сверхсложные элементы, но и пластика, образность, музыкальность делают гимнастику столь популярной сегодня. Ее обогатил танец, особенно классический балет. Возможно и обратное влияние. И мы элементы можем брать у спорта. Но только если это имеет смысл. Красив ли балет, забывший о танце в погоне за техническими сложностями? Не более, чем гимнастика, поступающаяся спортом ради хореографии. Все должно быть на своих местах. Только не

записывайте меня в консерватории! Я за живой, развивающийся язык балета. Но танец — это танец.

— А как он рождается, ваш танец?

— Чисто интуитивно. В моей работе есть вполне четкая прямая: интуиция — образ. А вот раскрыть тайну такой четкости, пожалуй, не сумею. Слово в этом процессе не участвует. Я не могу сказать: я сделала так, так, и только так. Интуиция пластики — словно интонация у голоса. Чувствуешь, как ты сейчас должен произнести фразу. Именно сейчас, в данную минуту.

— Для вас неразрывны танец и время. Современность — всегда ваш союзник?

— Вы сказали, что Джульетта была современной в моем исполнении. Знаете, как это важно для меня? Она нужна — вот что вы мне подтвердили. В ней не только вечный образ любви, но и современный, сиюминутный даже. Когда со сцены говоришь о любви, в ней тоже важно найти современность... Да, это союзник. Очень мощный.

— Дающий балету и новые возможности выхода к зрителю. Я говорю о телевидении. И не случайно...

— Да, только что у нас с Вячеславом Гордеевым была именно такая возможность. Мы участвовали в телепрограмме «Пестрый котел». Такая оригинальная передача существует, насколько мне известно, только в ГДР. Ни-

чего похожего больше нет. Она включает в буквальном смысле все; что угодно. В концертном зале такая пестрота оттолкнет. Я уверена, не понравится. А природа телевидения каким-то чудом дает «перевариться» в одном котле самым разным вещам, и рождается замечательное зрелище. Для нас было интересным и почетным участие в нем.

— А еще какие у вас есть творческие желания?

— Хотелось бы поработать над фильмом-балетом. Вообще все время хочется испробовать свои силы и возможности в чем-то неожиданном для себя, для зрителей. При этом, однако, до конца раскрыться и в том, что связано с традициями балета. Сейчас в Большом театре планируется возобновление нескольких старых спектаклей. Магия классики — вечная сила. А еще...

— А еще?

— В один прекрасный день раскрываю «Литературную газету» и читаю... Нет, теперь уже не дискусию об экранизации классики, а то, чего я ждала довольно давно.

— Чего же?

— Колья скрестились вокруг балета так, что искры летят. Нужно? Нужно.

Беседу вел
Елена БОЛДЫРЕВА

6 МАР 1985

Литературная газета
г. Москва